Текст · 25 апреля 2019, 09:41
Дмитрий Швец,

На фоне Эльбруса. Как убийство в пьяной драке спровоцировало митинг в столице Кабардино-Балкарии и рассекретило учения ФСБ

В Северо-Кавказском окружном военном суде начинается рассмотрение дела бывшего майора ФСБ Павла Стерлягова, который весной 2018 года вместе с сослуживцами приехал на засекреченные учения у подножья Эльбруса, но пошел смотреть футбол в кафе, напился и зарезал 27-летнего местного жителя Хусея Макитова.

«Дача ФСБ» и футбол

26 марта 2018 года автобус со служащими войсковой части №35690, дислоцированной в подмосковной Балашихе и относящейся к Центру специального назначения ФСБ, прибыл в Эльбрусский район Кабардино-Балкарии на учения. Сотрудники спецслужбы разместились в филиале санатория «Ленинград» в селе Тегенекли. Местные жители называют его «дача ФСБ».

На «даче» говорили, что спецназовцы приехали сюда ради тренировок по альпинизму. С собой у каждого из них был пистолет, оружие хранилось в санатории.

Командировка была легендирована: прибывшие на Эльбрус силовики считались военнослужащими из

подмосковной части №46411, упоминаний о которой в открытых источниках «Медиазоне» найти не удалось; им выдали документы на вымышленные имена.

Сколько человек участвовали в учениях — неясно; начальник санатория Рамазан Бапинаев позже уверял следователя, что забыл. Пить алкоголь и самовольно покидать территорию «дачи» без разрешения начальника сборов было запрещено.

Со слов одного из участников учений, предполагалось, что они продлятся до 6 апреля. Занятия в предпоследний день командировки, 5 апреля, закончились около полудня. Кто-то отправился в баню, кто-то готовился к занятиям, потом был ужин.

Один постоялец санатория на ужин не пришел: он поел в номере, выпив заодно три бутылки пива «Нальчикское», которые купил в местном магазине. При себе у него был военный билет на имя 34-летнего капитана Александра Чудинова, но на самом деле его звали Павел Стерлягов. 35-летний майор ФСБ и мастер спорта по рукопашному бою участвовал в спецоперациях, имел ранения, был награжден медалью «За отвагу» и выезжал в командировку в Сирию.

После ужина Чудинов-Стерлягов решил посмотреть матч Лиги Европы между московским ЦСКА и лондонским «Арсеналом». Компанию ему составил другой офицер ФСБ, по легенде — 37-летний заместитель командира батальона майор Алексей Синяк. В материалах уголовного дела ему позже присвоят псевдоним Ростов; его настоящие

имя, должность, звание и возраст «Медиазоне» неизвестны.

Телевизоры в номерах работали плохо, но офицеры вспомнили, что до этого смотрели футбольный матч в кафе «Фрирайд» на поляне Азау. Это примерно в 15–20 минутах езды от санатория.

Как рассказывал затем следователю помощник коменданта санатория прапорщик Магомет Жазаев, который заступил в тот день в наряд на контрольно-пропускном пункте, около 21:20 рядом с КПП появился мужчина в синей куртке и светлых спортивных штанах с надписью *Punch*, который подошел к служебной собаке. Это был Стерлягов. Жазаев предупредил его, что пес может укусить, но мужчина отмахнулся и немного поиграл с собакой. Прапорщик и человек в спортивных штанах немного поговорили, по запаху Жазаев понял, что его собеседник пьян. Вскоре к ним подошел еще один постоялец; он был одет во все черное, на голове — кепка с ушками, это был Синяк-Ростов. Он попросил дежурного как местного жителя подыскать ему такси до поляны Азау.

Жазаев узнал у своего коллеги номер водителя Ибрагима Кочкарова, который ответил, что сам приехать не сможет, но пообещал прислать своего знакомого Раджива Сокурова и предупредил, что поездка будет стоить 550 рублей. Меньше чем через 10 минут тот прибыл к «даче».

Офицеры сели на заднее сиденье машины, таксисту показалось, что они ждали третьего человека. По воспоминаниям Сокурова, Стерлягов сразу стал

требовать скидку, потом вдруг начал приговаривать: «Где мой пистолет, где мой пистолет?» и, заметив удивление водителя, решил его успокоить: «Да ты не очкуй, начальник, все будет нормально». Вскоре Стерлягов пересел на переднее пассажирское сиденье, Сокурову сказали, что третьего можно не ждать, и машина отправилась в Азау.

Пытаясь выторговать скидку, утверждал шофер, пассажиры ему нагрубили, он разозлился и решил не разговаривать с приезжими. Впрочем, в показаниях Сокурова отмечается, что по пути пассажиры упоминали о своей принадлежности к спецслужбам. Клиенты показались таксисту пьяными. Минут за 15 он довез их до места назначения, и офицеры отправились во «Фрирайд».

Официантка и администратор кафе вспоминали, что в заведении посетители заказали по пиву *Corona Extra* и кальян на воде. Судя по показаниям свидетелей, сотрудники ФСБ вели себя вызывающе: шумели, ругались и назойливо пытались познакомиться с девушками, которым пришлось пересесть от них подальше. Впрочем, одной из посетительниц ухаживания понравились, и ее угостили мороженым. Администратор Белла Путкарадзе сделала шумным гостям замечание.

«Алексей (Синяк) стал делать мне комплименты, а второй человек, который сидел с ним, сказал мне: "А что у тебя с животом, беременная, что ли?", на что я ему ответила как бы в шутку: "Да, беременная на восьмом месяце, а вы тут матом ругаетесь"», — рассказывала она.

До серьезных конфликтов в кафе, впрочем, дело не дошло. ЦСКА проиграл «Арсеналу» со счетом 1:4. Чуть за полночь, когда «Фрирайд» закрывался, офицеры ФСБ заплатили по счету и вышли на улицу.

Они отправились к автостоянке, где была припаркована пассажирская «Газель». Рядом с ней стоял 27-летний Хусей Макитов — временно безработный балкарец, который приехал в Азау, чтобы снять наличные — в поселке есть банкомат. Неподалеку со своей женой разговаривал владелец «Газели» — приятель Макитова Алим Байдаев. Силовики решили, что могут воспользоваться его машиной как такси.

Драка и отступление вброд

Последовала перепалка и пьяная драка. Как часто бывает в подобных случаях, каждая из сторон конфликта позже станет обвинять антагониста в том, что именно он спровоцировал ссору своим неадекватным поведением.

По словам офицеров, они попросили Хусея Макитова за 400 рублей подвезти их до санатория, а тот ответил нечто вроде: «Я что вам, таксист, что ли?» или «Вы что, офигели, за такую цену ночью?». Потом Макитов якобы начал грубить — говорил, что подгулявшие мужчины «вообще сейчас отсюда не уедут», и посоветовал им убираться восвояси.

Сотрудники ФСБ уверяют: они повторяли, что им не нужны проблемы, и уже уходили со стоянки, когда молодой человек окликнул их — и они вернулись,

решив, что тот передумал и все-таки согласился ехать. Но Хусей продолжил перепалку.

Алим Байдаев говорит, что разговаривал со своей женой у гостиницы *Ice Palace* примерно в 20 метрах от парковки, когда услышал громкий голос своего друга. Тогда он побежал к «Газели». По его словам, пьяные офицеры говорили, что Макитов «по-любому отвезет» их, причем не в санаторий, а на поляну Чегет. Сайт горнолыжного курорта «Приэльбрусье» описывает ее так: «Самое тусовочное место — на поляне Чегет, тут находится 3 диско-клуба: без пафоса, с сумашедшей атмосферой драйва, рок-энд-рола и духом алкоголя» (орфография сохранена).

Между мужчинами состоялся недолгий разговор на повышенных тонах. «Ну и началась стычка», — говорил Стерлягов на очной ставке с Байдаевым. Конфликтующие разделились на пары: Стерлягов взял на себя Байдаева, его сослуживец — Макитова. Постепенно действие переместилось к проезжей части и попало в поле зрения камеры наблюдения.

Со слов Стерлягова, в этот момент Байдаев достал предмет, похожий на нож, и сделал пару выпадов, ранив офицера в левую кисть и повторяя, что сейчас зарежет его.

«Я ему сказал, что у меня тоже имеется нож для обороны. После этого я достал и продемонстрировал ему нож. После чего была небольшая пауза, потом он развернулся и сказал, что мы точно оттуда живыми не уедем. Я побежал за ним с целью прогнать его. После того, как я чуть погнал его, я развернулся и побежал

вниз с целью предупредить Алексея [Синяка] что, со слов Байдаева, сейчас приедут люди и нас убьют», — утверждал он.

Сам Байдаев настаивает, что ножа у него не было, а преследовавший его мужчина кричал: «Стой, я — военный, я тебя зарежу!».

На записи с камеры видно, что пока Стерлягов бегом возвращался к своему товарищу, продолжавшему выяснять отношения с Макитовым, тот первым ударил Синяка. 40 секунд балкарец дрался с двумя пьяными сотрудниками ФСБ, один из которых был вооружен ножом, а потом начал пятиться, одновременно доставая из кармана куртки мобильный телефон.

«Продолжая нам угрожать, по телефону он говорил не на русском языке, при этом угрожая, что живыми мы не уедем. Я при этом нанес ему два удара в область руки, но, как в ходе следствия стало ясно, один из ударов попал в область сердца. У меня и в мыслях не было его убивать. Я впервые в жизни в такой ситуации нож держал, — уверял Стерлягов. — Я еще помню, ему сказал, что вызову полицию. Он отходил от меня и сказал, что полиция здесь своя. Далее он назвал нас шакалами, пошатнулся и упал на проезжую часть».

Друг Макитова Руслан Гугуев рассказывал следователю, что это он позвонил Хусею в момент драки с сотрудниками спецслужбы и услышал в трубке слова на балкарском: «Русик, подожди, нас тут хотят убить». Со слов свидетеля, Макитов сказал кому-то в сторону: «Подождите, стойте», а в ответ

послышалось: «Сейчас мы тебе покажем». Потом телефон упал, и разговор прекратился.

Сотрудники ФСБ утверждают: они тогда не подумали, что Макитов может быть смертельно ранен. Синяк поднял его телефон и выкинул на обочину — боялся, что молодой человек очнется и позовет подмогу. После этого офицеры убежали, а к месту стычки вернулся Алим Байдаев, который вооружился дорожным знаком, но обнаружил он там только свою жену и труп товарища. Приезжие тем временем шли в санаторий пешком.

«По дороге ехали машины, мы боялись за свою жизнь, думали, что они могут ехать за нами, поэтому забегали в лес, прятались там за деревьями. Мы боялись, что нас убьют, — говорил Стерлягов на допросе. — Так мы добежали до гостиницы, мы увидели, что возле входа стоят много автомобилей, мы подумали, что это приехали за нами, по нашу душу, ребята, которые нам угрожали, поэтому мы решили обойти гостиницу со стороны речки, под мостом».

По воспоминаниям Стерлягова, когда они добрались до санатория, было четыре или пять утра. База отдыха окружена забором только с трех сторон, с четвертой участок выходит к воде, так что офицеры сняли одежду и перешли реку вброд.

Вернувшись на объект, они застали там нешуточный переполох — Хусей Макитов к этому времени умер, а у местных полицейских были оперативные данные, согласно которым к убийству причастны постояльцы «дачи ФСБ». Узнав об этом, начальство

командированных спецназовцев объявило проверку личного состава, недосчиталось двух офицеров и отправило группу на их поиски.

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

Дело и митинг

Первоначально, 6 апреля, уголовное дело было возбуждено по части 4 статьи 111 УК (причинение тяжких телесных повреждений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего), причем — в отношении капитана Чудинова, а не майора Стерлягова, то есть по легендированным данным.

Более того, сослуживцы Стерлягова в своих показаниях тоже называли его Чудиновым, но на последующих допросах некоторые из них уточняли, что речь шла о Стерлягове. При этом в качестве места их службы указывалась загадочная часть №46411. Таким образом, существует вероятность, что и приведенные в уголовном деле имена свидетелей — ненастоящие.

Первым на «даче» об инциденте узнал начальник объекта Рамазан Бапинаев, ему около половины третьего позвонил глава ОМВД района, который попросил его приехать на базу — там Бапинаеву рассказали об убийстве, и он распорядился пустить местных силовиков на территорию. После этого Бапинаев связался с руководителем учений, который в деле фигурирует как майор Андрей Монахов. Тот на допросе вспоминал, что посмотрел у себя в номере футбол и заснул, а проснулся ночью от телефонного звонка.

В показаниях нескольких свидетелей сказано, что ночью им показали запись с камеры наблюдения, и они опознали в участниках драки сотрудников ФСБ.

6 апреля Алим Байдаев подал в Следственный комитет заявление о том, что у него нет претензий к участникам драки в Азау, и жаловаться он ни на кого не намерен. «Медиазоне» Байдаев сказал, что никакого давления на него не оказывали. «Я что, терпила, что ли?» — добавил он.

В тот же день следователь 316-го военно-следственного отдела СК отобрал у Чудинова подписку о невыезде с территории санатория. На следующий день, 7 апреля, его сослуживцы убыли в Москву — Синяка задерживать не стали, он фигурирует в деле как свидетель под псевдонимом Ростов. Еще через день Чудинову предъявили обвинение, а потом дело передали следователю по особо важным делам второго следственного отдела СК по СКФО Язеву. 10 апреля Стерлягова уволили из ФСБ, на следующий день следователь возбудил дело уже по статье 105 УК (убийство) и в отношении

Стерлягова, а не Чудинова. 12 апреля обвинение ему предъявили повторно.

Первый пост с хэштегом #ХусейМакитов появился в инстаграме 7 апреля. В записи отмечалось: «В комментариях под этим видео на других страницах пишут, что это не обычные туристы, а пьяные сотрудники ФСБ, приехавшие из Москвы».

«В первый месяц туристы звонили, спрашивали, безопасно ли у нас. Такое было, только когда режим контртеррористической операции сняли», — вспоминает администратор «Фрирайда» Белла Путкарадзе. Секретарь Совета по экономической и общественной безопасности Кабардино-Балкарии Казбек Татуев из-за серьезного резонанса и распространявшихся по республике слухов был вынужден обратиться в Следственный комитет.

«В сетях распространяется ложная информация о том, что подозреваемые отпущены и не понесут наказание, а также призывы к проведению 12 апреля 2018 года несанкционированных протестных акций на площади Абхазии в Нальчике, — писал он 10 апреля. — Прошу дать поручение разместить на официальном сайте <...> краткую информацию по уголовному преступлению». Обращение Татуева есть в материалах дела.

Пресс-релиз вскоре действительно разместили: в нем говорилось, что решается вопрос об аресте подозреваемого, который уже дал признательные показания. ФСБ и сослуживец задержанного в публикации не упоминались — говорилось лишь, что «между местным жителем и военнослужащим

возник бытовой конфликт», и что дело возбуждено по III-й статье. Эта неточность вызывала новую волну возмущения местных жителей, которые настаивали на переквалификации дела, хотя на самом деле к этому моменту оно расследовалось по статье об убийстве.

«Сегодня Хусей, завтра — ты?» — повторяли авторы постов с анонсом митинга 12 апреля. Впрочем, параллельно по соцсетям распространялось и видеообращение двоюродного брата Хусея Заурбека, который призывал на митинг не выходить.

«От имени семьи хочу поблагодарить всех неравнодушных к нашей трагедии. Обращаясь ко всем, хочу сказать, что семья против проведения всяких массовых мероприятий, связанных с нашим горем, призывы к которым распространяются в социальных сетях. Мы не хотим, чтобы кто-то воспользовался нашей трагедией в своих личных целях. Информация есть, уголовное дело возбуждено, семья в курсе хода следствия. Спасибо за понимание, и дай Аллах избежать такого горя каждой семье. Салам Алейкум», — говорил он на камеру.

Некоторые комментаторы предполагали, что Заурбек читал заранее заготовленный текст «без каких-либо эмоций, как робот», и обращали внимание, что на видео он держит руки за спиной.

«Я это видео, ролик, отправил следователю (структуру не буду называть), который уже на пенсии, русский с другого региона, наши мнения совпали, что на семью идет давление со стороны отца одного из этих уродов, он генерал, пограничник службы,

следовательно, он генерал ФСБ. Если кого-то задел мой пост, прошу прощения, но речь уже не только о покойном и семье Макитовых, речь о безопасности наших детей в будущем, если каждый генеральский сынок будет убивать наших детей, то грош нам цена как родителям и как народу», — писал один из них.

Сам Заурбек сказал «Медиазоне», что опубликовал видеообращение по просьбе других братьев убитого и согласовал текст с родственниками.

Действительно, еще один брат Хусея — Абдулах — утверждал, что «мусульманам нельзя устраивать митинги». Третий брат Шамиль Макитов рассказывает «Медиазоне»: «[На тот момент — глава республики Юрий Коков] вышел к главе администрации поселка Эльбрус, вышел и попросил, чтобы я или еще кто-то с таким обращением, как Заурбек, вышел, чтобы кипеша не было — кто за оружие возьмется, кто еще что-то».

Одним из первых журналистов, рассказавших об инциденте в Приэльбрусье, стал Орхан Джемаль, позже убитый в Центральноафриканской Республике. Эфир Джемаля на радиостанции «Эхо Москвы» вышел 11 апреля, а на следующий день состоялся митинг в Нальчике. Судя по видеозаписям, на акцию пришли несколько десятков человек. Среди выступавших был региональный министр по вопросам координации деятельности органов исполнительной власти в сфере профилактики экстремизма и реализации молодежной политики Залим Какшироков.

«Два человека, или один человек, не знаю, нарушили закон — они находятся под следствием», — начал он, но из-за криков толпы быстро прервал выступление. Кто-то из протестующих сказал министру, что не знает его, а люди хотят послушать другого, более авторитетного оратора — председателя Совета старейшин балкарского народа Исмаила Сабанчиева.

«Я постараюсь по своим каналам переговорить с руководством республики, о том, чтобы была информация, чтобы мы могли ставить людей в известность, что предпринимается на сегодняшний день. И если этого не будет, то 26 числа проведем митинг, но митинг будет на законных основаниях, — призывал Сабанчиев. — Чтоб никаких претензий не было к нам, что это мы нарушаем какой-то закон. И там мы выскажем все претензии, а до этого сбор информации будет».

Один из участников схода ответил: «Мы хотим, чтобы через десять дней весь наш народ знал этих убийц!».

Выступления прервал звонок шефа администрации главы республики Мухамеда Кодзокова. Он пригласил к себе председателя Совета старейшин и еще трех человек из числа собравшихся. Один из переговорщиков, побывавших на этой встрече, позже передал слова Кодзокова остальным активистам; в распространявшемся по соцсетям видео его рассказ смонтирован со съемкой митинга.

«Власть говорит следующим образом. Этих людей сегодня здесь нет, их передали в Южный военный округ, они в Ростове, — рассказывал он. — По фамилиям: вопрос "почему не называются фамилии"

отвечается таким образом, что по закону следствие может их не разглашать. Мы, говорит, сами этого не знаем, мы их фамилий не знаем, но мы постараемся сделать таким образом, что эти фамилии будут обозначены в ближайшее время».

На следующий день судья Ростовского военного суда Сергей Браславцев отправил Стерлягова под стражу. Такое решение он принял по ходатайству следователя Язева, ссылавшегося не только на спецподготовку офицера ФСБ, но и на то, что нож, которым убили Макитова, так и не удалось найти — обвиняемый утверждал, что потерял его. Другой аргумент следствия — наличие у сотрудника спецслужбы дипломатического паспорта. Постановление об аресте, опубликованное кем-то в инстаграме, выложил в своем блоге на сайте «Эха Москвы» Орхан Джемаль.

«Фактически местные правоохранители создали для чекиста все условия к побегу. Если бы он сбежал, то искать несуществующего в природе Чудинова можно было бы до скончания века, — возмущался журналист. — Он не сбежал, почему? В апелляционном обжаловании постановления о взятии под стражу Майор утверждает, что это была самозащита, а свое поведение считает адекватным, а с учетом того, что он не отказывался отвечать на допросах, Стерлягов недоумевает, зачем его сажать в СИЗО, а не оставить в санатории».

Впрочем, убийство на поляне Азау и последовавшие за ним события не привлекли особого внимания федеральной прессы. Корреспондент регионального проекта «Радио Свобода» «Кавказ.Реалии» Алена

Садовская даже посвятила этому обстоятельству колонку.

«Эта история широко разошлась в кавказском сегменте соцсетей, ее осветили и некоторые СМИ, посвященные кавказской тематике, включая "Кавказ.Реалии", но федеральные сайты, в том числе те, которые считаются оппозиционными или либеральными, этот случай не заинтересовал, — рассуждала Садовская. — Но что, если бы на месте погибшего Хусея Макитова оказался русский? Как бы отреагировали те же СМИ, если бы сотрудники ФСБ зарезали ни в чем не повинного жителя Калуги или Тюмени?».

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

Переквалификация и суд

Позже Стерлягову инкриминировали угрозу убийством (статья 119 УК). В марте 2019 года квалификацию ужесточили: теперь уже бывшего сотрудника ФСБ обвинили в убийстве Макитова из хулиганских побуждений (пункт «и» части 2 статьи 105 УК) и покушении на убийство Алима Байдаева из хулиганских побуждений (часть 3 статьи 30, пункт «и» части 2 статьи 105 УК)

О ходе расследования с тех пор не сообщалось. Стерлягов находится под стражей. Синяк — второй сотрудник спецслужбы, участвовавший в драке — проходит по делу свидетелем, его настоящее имя не разглашается по его же просьбе: офицер сообщил, что опасается за свою безопасность, и попросил присвоить ему псевдоним.

Выяснить, продолжает ли Синяк-Ростов службу в ФСБ, «Медиазоне» не удалось. За время следствия представители потерпевших неоднократно требовали привлечь его к ответственности, но каждый раз получали отказ. При этом в спецслужбе признают, что офицер грубо нарушил правила проведения учений. Начальник сборов Андрей Монахов рассказывал следователю: всем прибывшим в Приэльбрусье запрещалось пить спиртное и самовольно покидать территорию пансионата, но проверок он не устраивал. «Мы все взрослые люди, я доверял им», — объяснял Монахов.

Следователь направил командиру части №35690 генерал-полковнику Александру Тихонову представление, в котором предложил привлечь Монахова к дисциплинарной ответственности.

Засекречены в деле не только данные сослуживца Стерлягова — даже родные обвиняемого, которых допрашивали на следствии, попросили сохранить их имена в тайне из опасений за свою безопасность; в деле они фигурируют под псевдонимами.

24 апреля в Северо-Кавказском окружном военном суде состоялось заседание по отбору коллегии присяжных — о таком порядке рассмотрения дела

ходатайствовал сам подсудимый. Юрист Виктория Шевелева, сотрудничающая с правозащитной организацией «Зона права» и представляющая интересы потерпевших, уточняет: присяжных набирали по всем семи регионам Северо-Кавказского федерального округа.

«Как они привезут людей, присяжных, сколько их явится на судебное заседание <..> — это очень сложная процедура, я думаю, будут беспрецедентные меры безопасности приниматься», — говорила она «Медиазоне» накануне.

На предварительном заседании представители потерпевших подали очередное ходатайство о привлечении к ответственности Синяка, суд счел его преждевременным.

«Глава администрации просил, чтобы кто-то с нашей, родственников, стороны, сделал обращение, потому что на этой волне — кровопролитие, еще что-то... <...> Можно сказать, голословил, что все будут наказаны, что с этой стороны фээсбэшники с республики нашей с младшим братом разговаривали, мол, ни за что не переживайте, виновные будут наказаны, вы [своих] людей утихомирьте, а мы людей [виновных] накажем. Людей утихомирили, а теперь, на данный момент, даже не знаем, что за хер второй, грубо говоря», — сетует брат убитого Шамиль Макитов. Шевелева подчеркивает, что сторона потерпевших и далее будет добиваться наказания для Синяка-Ростова.

Адвокат Стерлягова Эдуард Лапшин из подмосковного Одинцово говорил, что пока не может изложить «Медиазоне» позицию защиты — сперва

он должен получить согласие у своего доверителя. Накануне публикации экс-сотрудник ФСБ попросил его воздержаться от комментариев для прессы. Хотя в деле есть явка с повинной, на допросах Стерлягов говорил, что признает вину частично, и что убивать Макитова он не хотел.

Еще на стадии предварительного расследования защита приобщила к материалам дела экспертизу, которую провел советник Национальной федерации айкидо Юрий Макеев. Изучив видеозапись конфликта, он пришел к выводу, что поведение Стерлягова «объективно характеризуется как защита от агрессивных действий» Хусея Макитова. Следствие признало это доказательство недопустимым — выяснилось, что специалист сам не практикует боевых искусств, а в федерации айкидо занимается мультимедийным сопровождением мероприятий.

Редактор: Дмитрий Ткачев

Исправлено в 16:31. Мухамед Кодзоков, который в тексте был ошибочно назван врио мэра Нальчика, на самом деле возглавляет администрацию главы Кабардино-Балкарской республики. Обязанности мэра Нальчика этот чиновник тоже исполнял, но задолго до описываемых событий — в 2014 году. Редакция приносит Мухамеду Кодзокову извинения за допущенную ошибку.